

СЕГОДНЯ ЕГО, НЕСМОТРЯ
НА ЭСТЕТИЧЕСКИЙ
И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ СТИЛЬ
ГРУППЫ «НЕСЧАСТНЫЙ СЛУЧАЙ»,
ЗНАЕТ ДОСТАТОЧНО ШИРОКАЯ
АУДИТОРИЯ. ПРИЧЕМ КАК
В ЛИЦО, ТАК И ПО ФАМИЛИИ.
ОН СЧИТАЕТ, ЧТО МЕЧТЫ –
КАТЕГОРИЯ ФАНТАСТИЧЕСКАЯ,
ТО, ЧЕГО НЕЛЬЗЯ ДОСТИЧЬ
ТРУДОМ И УПОРСТВОМ. ОН ЖЕ
СТАВИТ СЕБЕ КОНКРЕТНЫЕ ЦЕЛИ,
КОТОРЫХ НУЖНО ДОБИВАТЬСЯ
И К КОТОРЫМ МОЖНО ПРИЙТИ.
ОН ХОТЕЛ ИГРАТЬ НА СЦЕНЕ,
ИМЕТЬ СВОЙ АНСАМБЛЬ,
БОЛЬШУЮ СЕМЬЮ И ХОРОШИЙ
ДОМ. И ВСЕ ЭТО ОН СЕГОДНЯ
ИМЕЕТ. ПРИ ЭТОМ ОН ЖИВЕТ
В СВОЕ УДОВОЛЬСТВИЕ,
ЗАНИМАЯСЬ ТЕМ, ЧТО ЕМУ
НРАВИТСЯ, ВНЕ ЗАВИСИМОСТИ
ОТ МОДЫ, И ОБЩАЯСЬ С ТЕМИ,
КТО ЕМУ ИНТЕРЕСЕН И ПРИЯТЕН.

Алексей, пригодилось ли вам как музыканту и литератору то, что вы учились на мехмате МГУ? Принесло ли это какую-то пользу с точки зрения концентрации мозгов, их развития?

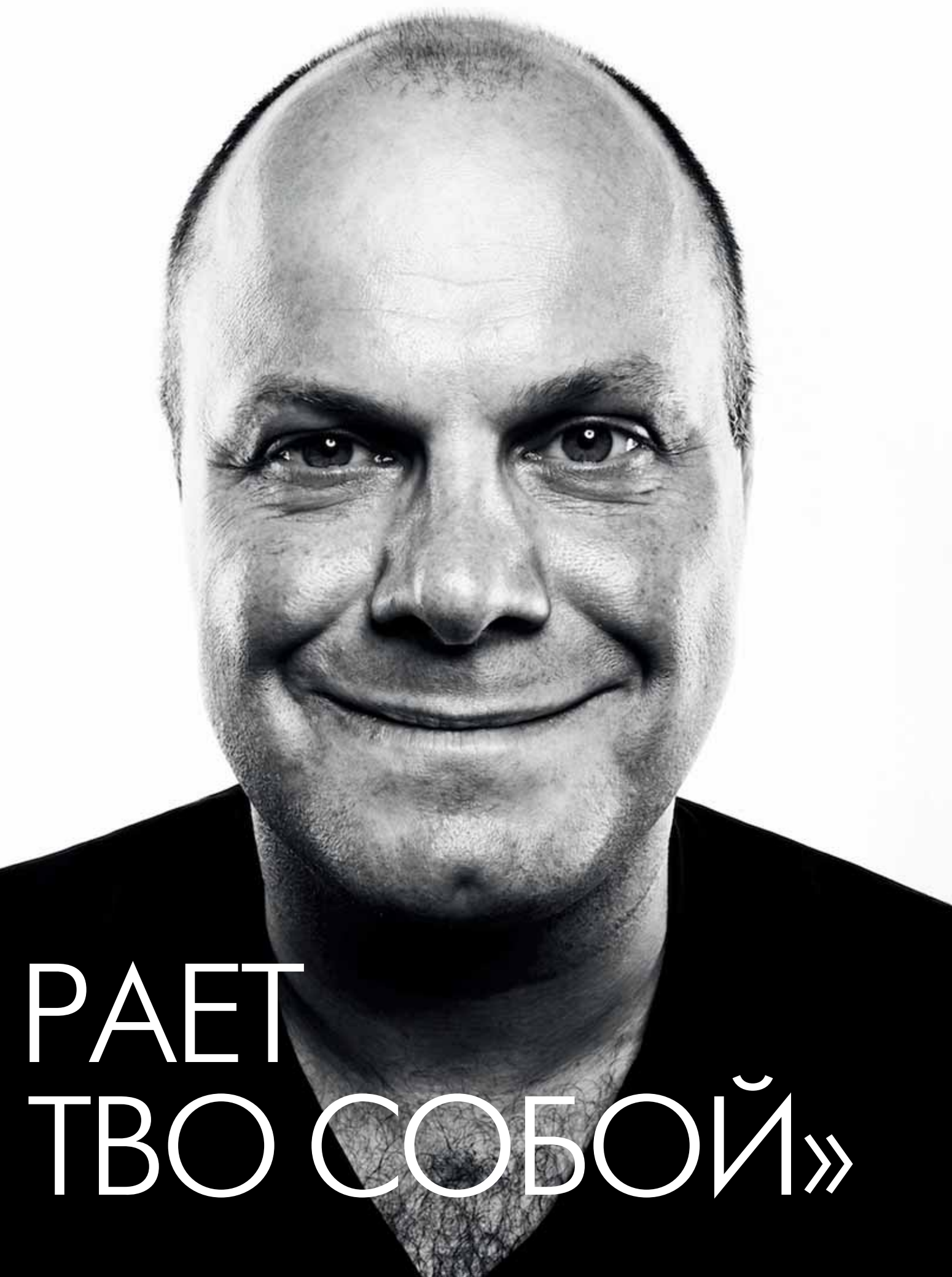
Думаю, да, хотя не знаю, что здесь причина, что следствие. То ли у меня была способность концентрироваться, и поэтому я поступил на мехмат, то ли наоборот. Но я уверен, что причастность к точным наукам очень полезна для человека, который работает со словом.

Больше, чем для музыканта?

Музыка и математика – вообще вещи сопредельные. Музыка являлась одним из подразделов математики в классической греческой науке. Но мне кажется, что и в работе со словом умение что-то просчитать и, главное, оперировать большими объемами информации в голове, в памяти очень полезно. Хотя, наверное, гениальная литература только та, которая никакой алгеброй не поверена. Но в переводе, которым в последнее время я достаточно много занимаюсь (и мне это очень нравится, потому что это забавная задача, всегда вызов начальному материалу, который сопротивляется), математические способности, на мой взгляд, выходят на первое место. Если необходим точный перевод (а временами требуют просто идеального соответствия источнику), то очень большая часть работы заключается в переборе возможных вариантов. А это в чистом виде математика. А вот перевод вольный и поэтический, которым славится русская школа, – это совсем другое. Великие наши поэты писали вдохновенно, но если читать оригинал и перевод, то они, как правило, очень далеки друг от друга.

Алексей Кортнев:

«МЕНЯ РАЗДИ
НЕДОВОЛЬС

РАЕТ
ТВО СОБОЙ»

Вот уже двадцать пять лет Алексей – бессменный лидер группы «Несчастный случай», которая родилась в начале осени 1983 г., когда порог студенческого театра МГУ переступили два первокурсника – Алексей Кортнев и Валдис Пельш

ЛИЧНОЕ ДЕЛО

Родился 12 октября 1966 г. в Москве. В 1983 г. поступил на мехмат МГУ и стал актером студенческого театра МГУ, где встретился с Валдисом Пельшем. Через два месяца появился дуэт «Несчастный случай», который вскоре вырос до четырех человек. Играл за команду КВН МГУ. Писал тексты для рекламы, слоганы. Переводчик мюзиклов «Кошки», «Иствикские ведьмы», Матта Миа, «Красавица и чудовище». Играл Ромашова в мюзикле «Норд-Ост». Играет в спектаклях «Квартета И» «День радио», «День выборов». Первая роль в кино – «Прорва» в 1990 г. Снимался в фильмах «Другая жизнь», «Московская сага», «Ночные сестры», «Ветка сирени», «День выборов», «День радио» и др. Был в гражданском браке с актрисой Юлией Рутберг. Женат на шестикратной чемпионке мира по художественной гимнастике Амине Зариповой.

Точный перевод, наверное, требует огромного терпения?

Несомненно! Хотя, с другой стороны, не могу сказать, что написание оригинального текста не требует терпения. Вот сейчас я нахожусь в мучительной ситуации. Пообещал своему другу сочинить несколько текстов. Два написал, а больше не могу. У меня в машине все время крутится его музыка, а я ничего не в состоянии придумать. И вот это, конечно, испытание терпения. Проблема в том, что петь это будет талантливый мальчик лет двадцати двух-двадцати трех, с прекрасным голосом, но я совершенно не знаю, о чем ему интересно петь и что интересно публике, которая придет его слушать. И я мучаюсь который день, ничего больше делать не могу (*смеется*). А у меня еще куча другой работы. Я думал, что сделаю все по-быстрому — и до свидания. Не получается (*улыбается*).

Я считаю, что честный автор пишет для своих сверстников и, более того, для своей социальной группы. Например, для ровесников, которые сидят в лагере, я не могу ничего интересного написать. Поэтому сделать что-то для этого юноши мне очень тяжело (*смеется*). Причем, когда ты не можешь выполнить какой-то денежный контракт, бывает гораздо легче, ты говоришь: «Ну, ребята, извините, не пошло, вот вам ваш аванс

объеме, как и на первом курсе, давалась легко, хотя не могу сказать, что блестяще учился. Первую сессию сдал еле-еле на тройки, потому что ошалел от свободы. Контроль за посещением лекций отсутствует, семинар пропустил — не страшно, если пришел на два из пяти — уже хорошо, но потом, будь любезен, экзамены сдавай. Ситуация абсолютно противоположная школьной, где даже если ты ни бе ни ме, учитель тебе все равно как-нибудь натянёт, потому что ты трудился. А у нас были юноши, да и девушки, наверное, тоже, просто я о них ничего не знаю, которые принципиально не ходили на лекции к такому-то преподавателю, потому что были с ним в конфликте, так как не разделяли какие-то взгляды, теории. Один мальчик, который был одно время начальником Единой энергосистемы Казахстана, такой казахский Чубайс, у нас на лекции, например, приходил демонстративно с одеялом и подушкой и спал в первом ряду, потому что его обязала учебная часть ходить на лекции этого профессора, а он был с ним в конфликте. Он раздевался, ставил тапочки и укладывался спать, а тот, как ни в чем не бывало, читал лекции. В конце семестра он приходил на экзамены и... сдавал. Так вот, я к этой системе отношений, которая была го-

«ИЗВИНЯЮСЬ СОВЕРШЕННО ИСКРЕННО, ДАЖЕ КОГДА ПРАВ»

обратно» — или еще лучше, если никакого аванса не было, «ну не шмогла — так не шмогла» (*смеется*). А вот когда это все завязано на личных отношениях...

Кстати, а почему вы поступали на мехмат, а не на ВМК (вычислительная математика и кибернетика), например, в том же МГУ — модный и перспективный тогда факультет? К тому же папа был ученым секретарем в Академии наук по части прикладной математики...

Да, у меня и папа, и мама прикладники. Просто у мехмата была особенная репутация — фундаментальная наука! И родители совершенно благоговели перед этой репутацией, и я воспитывался в почтении к ней. Мне казалось, что они хотели меня как ребенка-разночинца двинуть дальше по дворянству (*улыбается*), на следующую ступень — от прикладной науки к фундаментальной. И не надо забывать, что это все-таки был хоть и стагнирующий, умирающий, но все равно Советский Союз, в котором можно было себе представить приличную карьеру ученого-фундаменталиста. Сейчас это невозможно. То есть для моих родителей это был следующий шаг к звездам.

Но вы-то, как я понимаю, и не особенно сопротивлялись?

А я не могу сказать, что мне была отвратительна математика, мне она даже нравилась и в школьном

раздо более ответственной, чем школьная, оказался совершенно не готов. Зато вторую сессию сдал на пятерки. И в третьем семестре после лета тоже все было элементарно просто, а уже потом началась математика, которую здравым смыслом не охватить, это лежит вне доступных нам физических законов — дифференциальные уравнения частных производных. В общем, пришлось сдаваться. Да еще к тому времени и театр огромное время отнимал, так что на математике был поставлен крест.

А что родители?

Родители были в ужасе! Причем долгое время, пока я не начал зарабатывать нормальные деньги. Но это произошло еще через много лет, годам к двадцати пяти-двадцати шести. Я уходил в академический отпуск, потом возвращался, уходил еще раз, пошел работать программистом в Институт проблем управления к отцу. Затем он меня затащил в Институт стали и сплавов, где заведовал вычислительной кафедрой. Там я проучился полгода. Словом, было много попыток. И не могу сказать, что меня это как-то мучило, потому что я понимал, что проживаю, собственно, ту жизнь, которую себе представляю. То есть стану младшим научным сотрудником и при этом буду петь и выступать, как и мои кумиры Александр Суханов, Сергей Никитин... Для меня

был такой законченный образ — мнс (младший научный сотрудник) с гитарой в руках. И поэтому я не особенно и рвался куда-то, чтобы приобрести нечто совершенно другое. А вскоре исчез Советский Союз, и масса научно-исследовательских институтов канула в никуда в одночасье, и стали никому не нужны корочки. И нас с Пельшем взяли работать на телевидение без малейших признаков профильного образования. Вернее, у него все-таки философский факультет, его как-то можно было выдать за телерадиообразование, а у меня-то просто средняя школа и больше ничего. Поэтому если кто и помучился, так это мама и папа. А я-то просто в шоколаде пребывал (*улыбается*).

Родители не советовали пойти и получить театральные корочки?

Долгое время какие-то разговоры велись. Когда мама и папа поняли, что с математикой, судя по всему, завязано, они меня очень серьезно соблазнили идти поступать в ГИТИС. И я со своими коллегами по театру походил по приемным комиссиям и, в частности, дошел до ГИТИСа. Я собирался идти на режиссуру эстрадных и театрализованных программ. Этой кафедрой заведовал дядечка с кавказской фамилией, причем народный артист Советского Союза, Герой соцтруда — а Героя он получил за постановку.. XXV съезда КПСС, одну из ярчайших эстрадных постановок 80-х. Я пришел на тур и даже не стал ничего читать, потому что посмотрел, какая там сидела приемная комиссия. Это был просто кошмар! Я же в тот момент активно работал в студенческом театре, где все были молодые,

человеком, но когда мы играем большие сольные концерты, то у нас очень редко влезают в программу вещи, которые считаются хитами, потому что они уже такую оскомину набивают... А когда в тот же Дом художника, где абсолютно своя атмосфера, своя аура, приходят люди, просто начитавшиеся журналов, и садятся в зал, то в результате ничего, кроме разочарования, они не получают.

А зачем вы на лед-то пошли, если честно?

Во-первых, я хотел привлечь внимание к 25-летию группы, что вполне удалось, хотя и таким бесславным выступлением. Вот зачем я этого хотел, толком не знаю. В одном интервью до начала шоу — я еще не был связан никакими контрактными обязательствами с Первым каналом — сказал: «Я иду туда, чтобы меньше работать, но больше зарабатывать» (*улыбается*). То есть, если уже доходить до самой сути, ответ таков. Поработать очень тяжело где-то годик, потому что научиться кататься и выдержать эти тренировки реально очень сложно, но зато потом... А второе... Илюша Авербух и моя жена, с которой он очень дружит, меня просто развели на «слабо». Они меня поймали в спортивном клубе, где в тот момент я лежал под штангой, был абсолютно обесшаренным (*смеется*), а они стояли надо мной сверху, так что возразить никак не мог.

На ваш взгляд, в дружбе должно присутствовать радио — по крайней мере для того, чтобы эти отношения сохранять, несмотря на сложности, как это было с тем же Валдисом после его ухода из «Несчастливого случая»?

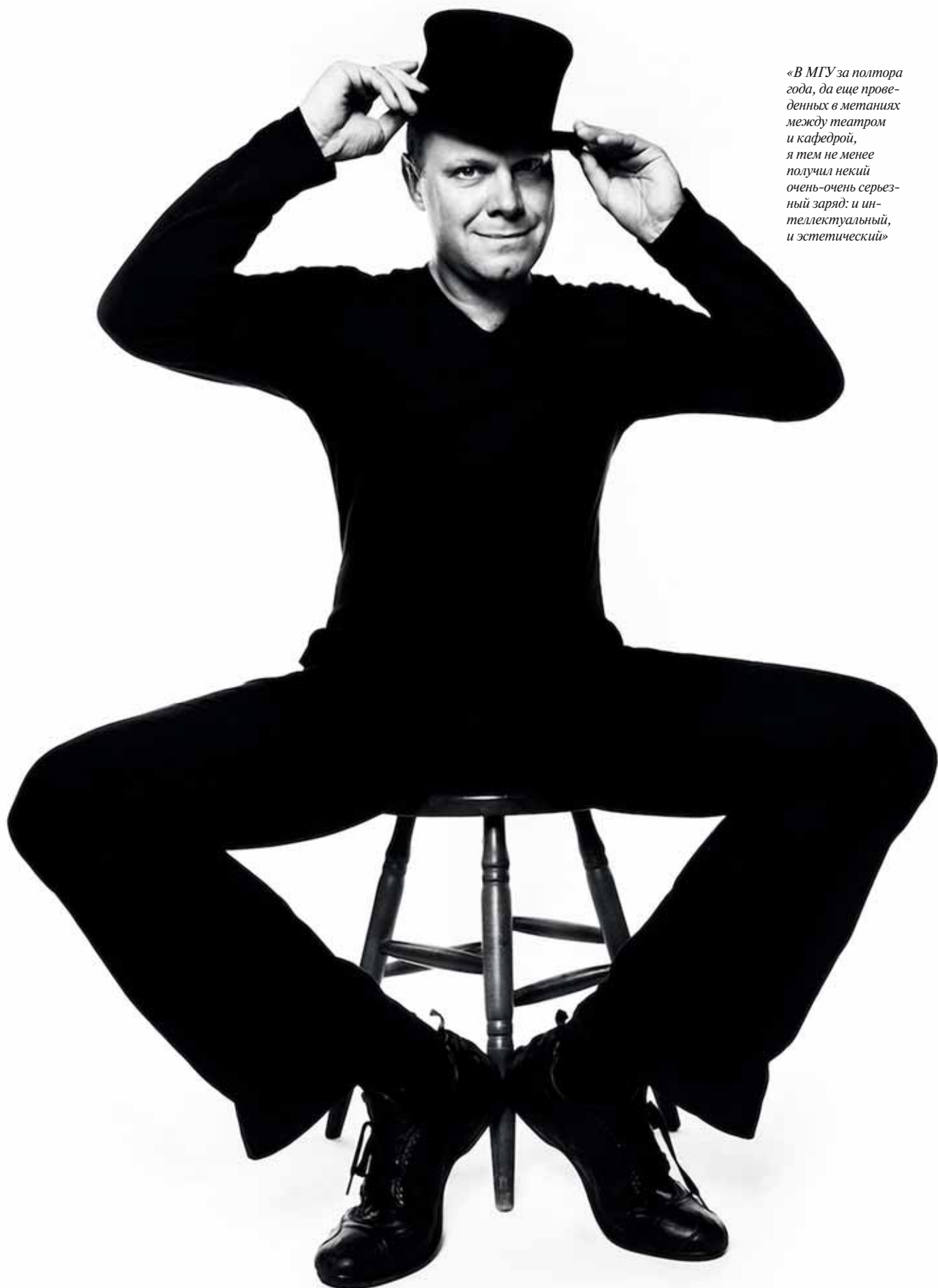
«РАЦИОНАЛИЗМ, КОГДА ТЫ ВЛЮБЛЕН, — ЭТО ГАДОСТЬ»

веселые, совершенно не зашоренные, где наш режиссер Женя Славутин, Евгений Иосифович, ползал по декорациям, сам там что-то привязывал, прибывал и оттуда делал режиссерские замечания тем, кто внизу что-то в это время красил. То есть там была жизнь. А в ГИТИСе я увидел, как дохнут микробы на лету в этом воздухе. Хотя, например, мои нынешние ближайшие друзья и коллеги, участники театра «Квартет И» учились там аккуратно в это время и нормально себя чувствовали. Правда, на другом факультете.

Ваша группа «Несчастный случай» достаточно эстетская. Вы рассказывали, что после вашего не продолжительного участия в «Ледниковом периоде» на концерты повалила новая публика — но, увы, совсем не ваша...

Да, после появления публикаций в прессе резко возросла наша известность и стали приходить новые люди. А мы им предъявляли песни, которые совершенно не рассчитаны на массовый вкус. У нас есть несколько номеров, которые проглатываются любым

Думаю, что радио очень серьезно присутствует в моих отношениях с мужчинами. И, наверное, поэтому я нахожусь в прекрасных отношениях не только с друзьями, но и практически со всеми, с кем работаю. Ни разу в моей группе не было человека, с которым у меня была бы натянута история. В то же время за двадцать пять лет с некоторыми из наших музыкантов случались десятки конфликтных ситуаций. И ругань, и взаимные обвинения. Но я никогда не позволял эмоции возобладать в этот момент, понимая, что каждый из этих людей драгоценен и абсолютно уникален. Мы все так устроены, что умеем выплеснуть и забыть конфликт на следующий день. И, наверное, я в этом сыграл достаточно большую роль, потому что и в семейных отношениях у меня есть такая черта — могу извиниться. И извиняюсь совершенно искренне, даже тогда, когда знаю, что прав. Прошу прощения за что-то другое, например за то, что как руководитель большого коллектива не смог избежать ситуации, когда кто-то был вынужден

«В МГУ за полтора года, да еще проведенных в метаниях между театром и кафедрой, я тем не менее получил некий очень-очень серьезный заряд: и интеллектуальный, и эстетический»

*«Время, когда
одновременно
открылись двери
университета
и студенческого
театра, я до сих
пор вспоминаю,
как самое интерес-
ное, самое позна-
вательное и самое
богатое на новые
впечатления»*

орать. А когда человек слышит слова извинения, он, как правило, быстро идет на попятную.

Знаете еще какой-то способ загладить вину или разрядить обстановку?

Что-то другое возможно в отношениях с женщинами: мужчины маскировку не приемлют. В любом случае заискивать перед ними мне было бы стыдно. Просто перед самим собой. А вот заискивать перед женщиной можно вполне.

А романтические отношения с женщинами изначально строились только на «эмоцию»?

Да! Конечно! Правда, у меня есть и женщины-друзья, с которыми у меня не было никаких романтических отношений и никогда не будет.

И не было желания перевести это в другое русло?

Желание-то, может, и было. Оно, мне кажется, вполне естественно возникает при виде красивой и умной барышни. У любого мужчины. Но существуют некоторые табуированные ситуации. Кроме того, я поддерживаю дружеские отношения с женщинами, с которыми расстался.

Но вы же понимаете и видите, с кем имеете дело?

Как быстро становятся важными ум, чувство юмора у женщины, что-то еще?

Мне кажется, я достаточно быстро начинаю видеть и соображать, кто передо мной, и без такого рационального осмысления никакой любви-то и не возни-

Конечно. Либо видел или слышал что-то об их таланте. А вот Амину (Амина Зарипова — *Прим. ред.*) я наблюдал на телевизионном экране еще совсем девочкой, которая никакого вождения вызвать не могла. Ей было пятнадцать лет, когда она прыгала по коврику. Затем был разрыв в несколько лет, а потом я узнал, что к нам на концерт придет шестикратная чемпионка мира по художественной гимнастике. И это очень значимая штука, потому что интерес возбуждается мгновенно. Прекрасно понимаю, что здесь, помимо всего прочего, начинает работать еще и охотничий инстинкт: заполучить лучшее, самое красивое, самое знаменитое, самое блестящее из того, что ты видишь перед собой. Безумно интересно завоевать внимание самой яркой женщины в компании. И в моих больших любовях и браках было именно так. А если вдобавок еще было отчетливо ясно, что женщина свободна и на нее в этот момент идет конкретная охота со всех сторон, возникал огромный азарт. **А если вам не удавалось достаточно быстро завоевать внимание женщины, вы теряли интерес или вас это только раззадоривало и подстегивало?** Насколько себя знаю, меня бы это разочаровало, потому что я из спринтеров. Могу очень быстро бежать, но недолго. А преследовать дичь по холмам и до-

«Я РАЗЛЮБИЛ ПИСАТЬ ПЕСНИ. МНЕ ЭТО НЕИНТЕРЕСНО»

кает. Но не могу в этом контексте разделить «рацио» и «эмоцию» — они сливаются, и меня очаровывает остроумие в девушке или просто ум. Но мне кажется, что я так же точно очаровываюсь душой, как и разумом. Мое сердце радуется тому, что она умна. Это не рациональный подход. Я считаю, что рационализм на этапе, когда ты влюблен, вообще невозможен, это какая-то гадость. Потом, в семейных отношениях или в тот момент, когда уже понимаешь, что вы начинаете складывать единый дом, грубо говоря, уже надо считать и считать. Деньги, квадратные метры и т.д. Да и то, я думаю, что этим можно не заниматься в юношеском возрасте, когда с милым рай и в шалаше.

Это касалось только серьезных влюбленностей?

Да, какие-то поверхностные увлечения случались и с женщинами абсолютно другого склада, но я понимал, что это не может перерасти в любовь. А вот определенный тип привязывает меня к себе на сто процентов. Как сказал товарищ по студенческому театру Юра Огульнов, «тебе нравятся женщины с лошадиными лицами» (*смеется*). Так и есть.

Вы, кажется, как правило, влюблялись после того, как видели женщину на сцене. То есть очаровывались талантом?

лиам... Наверное, это зависит от психотипа. Есть люди, которых возбуждает отказ, меня — нет.

Многие придерживаются мнения, что в семейной жизни нужно непременно что-то придумывать, чтобы вторая сторона волновалась, ревновала. Некоторые якобы для поддержания чувств идут даже на такого рода изощрения, как, например, свинг...

Я слышал такое — мол, без этого неинтересно, без встряски брак умирает. Я так не считаю. Абсолютно! Может быть, у них избыток какого-то секрета в организме (*улыбается*), я не знаю, во всем можно видеть позитив. Но, честно говоря, подобной ситуации со своей любимой женой представить не могу.

Вы говорите, что женаты недавно, всего восемь лет, поэтому о какой скуке может идти речь. А для кого-то это колоссальный срок...

Мне действительно совершенно не кажется, что мы давно вместе. Нам не скучно. К тому же мы активно занимаемся своими делами и потому постоянно находимся то в разъездах, то в какой-то писанине. Я вообще неделями, хотя и нахожусь дома, либо сижу в кабинете, либо хожу по парку, что-то пишу, но мыслями все равно черт знает где, как сейчас с этими песенками несчастными. Поэтому мы часто

делаем друг другу сюрпризы и нередко оказываемся новыми друг для друга. Муся (домашнее прозвище Амины) сейчас по три-четыре дня проводит вне дома, потому что одна из ее воспитанниц (Аминка ее воспитывает с детства, ей всего пятнадцать лет) резко рванула вверх, заняла седьмое место в мире по абсолютному рейтингу.

Вы могли бы жить с женщиной, которая была бы умна, но занималась бы только вами и домом? Наверное, женщина-«наседка» вам была бы совсем не интересна?

Аб-со-лют-но! Прекрасно это понимаю. Правда, никогда и не пытался жить с подобной женщиной. Но не все надо пробовать. В этом смысле для меня идеалом является мама, у которой, с одной стороны, всегда чисто в доме, а с другой, она по сию пору проводит в своих стенах очень немного времени. Она постоянно где-то бывает: то в кино, то в музее, то на симфоническом концерте, то с подругами едет куда-то. К счастью, подруг много. У всех поумирили мужья. Остались одинокие семидесятилетние тетки, очень живые, все машинки водят маленькие и стараются радоваться жизни.

Вы говорите о себе, что отнюдь не спокойный человек и по массе вопросов нервничаете с удовольствием... По каким? И из-за чего не хотели бы волноваться?

«Я ЧУРАЮСЬ СЛОВА «ТВОРЧЕСТВО» ПО ОТНОШЕНИЮ К СЕБЕ»

Меня раздрает недовольство собой. Иногда просто до смешного доходит. Когда пишется что-то хорошее, я полностью этим увлечен и счастлив, то пилю себя за то, что не занимаюсь спортом, что наел брюхо, что вчера напился и сегодня у меня мешки под глазами. И это продолжается в тот период каждый день. Перестаю смотреть в зеркало, потому что мне противно. Через некоторое время писанина заканчивается, и я иду играть в волейбол, бадминтон, в спортивный зал поднимать штангу. Брюхо уходит, мышца растет, и я начинаю себя страшно пилить за то, что не могу ничего придумать, потому что вся энергия уходит в штангу.

То есть два этих процесса не очень совмещаются... Вообще не совмещаются (смеется). Я искренне полагал, что можно, например, бежать и сочинять. Но выясняется, что надо думать о том, как бежать (смеется), потому что иначе начинаешь задыхаться, подворачивать ноги... И это так противно, потому что столько времени уходит в никуда. В этих противоречиях и провожу жизнь. Кроме этого, я переживаю за семью. Боюсь, что они чем-то не тем заболеют, я переживаю, что не хватит денег, потому что жена моя все время затевает какие-то

мегапроекты. Один раз мы уже прогорели с клубом, который она придумала. И если мы родим сейчас третьего ребенка, чем будем ее кормить?

Это желание, идея или уже все конкретно?

Мы очень серьезно об этом думаем. Причем приходится уже работать с привлечением медицинских средств, потому что мы очень хотим родить девочку. И дают стопроцентную гарантию. Конечно, немножечко неприятно, что так впрямую в это вмешиваются врачи. Но тем не менее пытаемся что-то сделать. Я очень мнительный. Правда, не могу сказать, что мне это мешает, что хуже работаю или меньше люблю жизнь. Просто портится настроение. Но это опять же черта моей мамы, которую я унаследовал в полном объеме. Все понимаю, поэтому очень часто уже не обращаю на что-то внимания. Так что, если применить к этому рацию, в общем-то можно весело жить и существовать.

А к деньгам вы тоже относитесь в хорошем смысле рационально, не со всем душевным пылом?

Никакого душевного пыла нет, хотя я их вполне ценю, но никогда не знаю, сколько их у нас дома и на счетах. Никогда не считаю. А жена моя считает, и очень внимательно. Бюджет ведет она. Но весьма своеобразно (смеется). Она старается, чтобы дома у нас было не больше десяти тысяч рублей одновременно, потому что, как только у нас заводится больше этой суммы, они сразу

начинают куда-то исчезать. Тут же покупаются детям новые курточки и т.д. Поэтому Аминка деньги сразу утаскивает и кладет в банк или вкладывает в строительство дома. А туда можно вкладывать, сколько угодно, любимыми суммами любое количество лет.

Вы сказали, что вам сейчас многое в творчестве легче дается, потому что благодаря опыту в голове сразу срабатывают правильные нейронные процессы.

И потому моменты «ай да Кортнев, ай да сукин сын!» бывают все реже. Когда в последний раз себя удивили?

Совсем недавно. Когда мы с Сережей Чекрыжевым, моим вечным поделником, написали «Конька-горбунка», я просто страшно радовался. Причем мы его «наваляли» за два месяца. Кстати, я абсолютно уверен, что в тот момент еще и звезды сошлись удачно, потому что вроде бы все было сделано на мастерстве, но было что-то еще... Во время той работы несло куда-то, какая-то волна тащила, каждый следующий номер придумывался буквально в течение суток. Так что подобные вещи случаются, не могу сказать, что они меня совсем уж оставили. Хотя по этому поводу иногда тоже очень сильно рефлексую. Но я разлюбил писать песни. Мне это неинтересно, скучно. И поэтому ничего не получается.

На заказ иногда очень легко и приятно пишется, и чувствуешь, что получилось что-то хорошее. А сам я себе, к сожалению, подобный заказ дать не могу. Как будто исчерпался в этом. Мне гораздо больше хочется заниматься большой формой. И, слава Богу, у нас сейчас, кажется, все налаживается с театрами. Если все будет хорошо, будем писать для оперетты. И для одной большой антрепризной постановки, некоего мюзикла.

А кино вас не возбуждает — как автора и как актера?

Мне нравится играть. И я понимаю, что могу это делать достаточно хорошо. Но меня кинопроизводство очень раздражает, такое оно занудное, муторное. Все-таки я больше человек театральный. И думаю, что этой осенью буду много играть, потому что меня зовут в разные спектакли и я с удовольствием соглашаюсь.

Вы сказали о том, что во время сочинения «Конька-горбунка» удачно сошлись звезды. Но ведь вы говорите, что нельзя понять, где случай, а где закономерность...

Да, я не могу ни о какой ситуации в своей жизни сказать: «Да, это была случайность». Мы же не можем поставить эксперимент: «А теперь я сверну в другой переулок. Посмотрим, к чему это приведет.

Попробую поступать не в студенческий театр МГУ, а пойду в Щукинское училище». Но уверен, что, если бы я пошел в театральный институт, все равно бы возглавил какую-нибудь группу, которая пела бы мои, а может быть, и другие песни. То есть встретил бы других людей, но тоже единомышленников.

Хотя, с другой стороны, понимаю, что мы могли бы развиваться совершенно по-другому. Ведь примерно в те же годы Макс Леонидов с Колей Фоменко и с друзьями начинают играть и сразу берут в руки битовые инструменты: электрогитару, барабаны, электрический бас — и копируют «Битлз» и в манере, и в звучании — во всем, даже в одежде, прическах. Мы пришли в театр к режиссеру, который терпеть не мог громкий звук и вообще человек немзыкальный, нетанцующий, непоющий. И ему нравилось, чтобы в песнях было много пауз, чтобы они были очень драматичными, чтобы менялся темп, — то есть он подходил к песне с театральной точки зрения. И мы начали писать так. И по

сию пору пишем вещи, которые перенасыщены деталями, изменениями в темпоритме. Я уверен, что это влияние личности на коллектив. Если бы мы пришли к человеку, который бы просто элементарно обладал слухом и пел, то наши песни были бы абсолютно другими. И вполне возможно, что это было бы совершенно неинтересно. А именно в постоянном преодолении, в том, что мы играли на всяких дудочках, свиристелках, контрабасе вместо баса, без барабанов, сложился некий свой стиль, не похожий ни на кого. И что здесь случайность, что закономерность, никто не знает.

Вы упомянули слово «детали». А в жизни вы всегда обращаете внимание на детали — в человеке, в отношениях с людьми?

Для меня детали очень важны. И если говорить о творческом методе — извините за фразу, чураюсь слова «творчество» по отношению к себе, но это просто термин (*смеется*), — то я начинаю всегда с деталей. Когда подхожу к очень большой работе, как, например, сейчас к оперетте, понимаю, что, пока не напишу каких-нибудь куплетиков, не могу даже начать придумывать сценарий. Я понимаю, как будет выглядеть дерево, но начать рисовать его мне хочется с какого-нибудь листочка, с какой-нибудь птички, севшей на веточку, а не с корней. То же самое в отношениях с людьми. Одна деталь может насторожить или, наоборот, привлечь. Бывает, что человек вдруг вскрывается на одной фразе.

Вы говорите, что все можно распланировать и что свою жизнь так или иначе представляли всегда. А как быть с фразой «Хочешь рассмеишь Бога, расскажи ему о своих планах»?

Я обо всех задуманных вещах говорю как о практически сделанных. Это можно отнести к творческому методу или к свойству моего темперамента. Например, рассказываю целиком весь спектакль, проверяя, насколько людям интересно, так ли это действительно гениально, как нам с моими коллегами кажется.

Бывало, приходил и говорил:

«Чуваки, я придумал невероятную песню. Это будет что-то!»

В результате через месяц меня спрашивали, где же эта невероятная песня?! Так что насчет планов и смеющегося Бога — это правда, планировать ничего особо нельзя. С другой стороны, если только не катаклизм, то я точно знаю, что через два года мы будем делать.

Марина Зельцер

